

Бывай, Беларусь, да вясны...

Из Беларуси вывозят все. И спички тоже

Сотрудниками транспортной милиции на железнодорожной станции «Лиды» задержан гражданин Литвы, который пытался вывезти за пределы Беларуси трикотажные изделия на сумму 600 миллионов рублей.

Факт этот, зафиксированный за последние сутки, далеко не единственный. Сообщения, поступающие с государственной границы, подтверждают, что вывоз продовольствия и товаров белорусского производства на рынки России, Украины и других стран усиливается. Причем везут все, что угодно — воду, сигареты, одежду, молочные продукты, картофель, грибы, мебель и даже спички. Так, в пункте пропуска «Новая гута» гомельского пограничного пункта попытке вывоза на Украину 450 килограммов картофеля общей суммой 4500 тысяч рублей задержан гражданин Беларуси. Тем же пограничником пресечена попытка вывоза вновь-таки на Украину большой партии яиц и спичек на

общую сумму около десяти миллионов рублей.

Также гомельскими пограничниками при осмотре поезда сообщением «Хмельницкий—Санкт-Петербург» в аккумуляторных отсеках пассажирского вагона обнаружено 900 килограммов товара, оцененных в 27,4 миллиона рублей.

Вывоз продовольствия и товаров из нашей республики идет по разным направлениям и каналам, а также разными способами и всеческими доступными средствами. Исходя из последней сводки, на участке «Пакульня» пограничного пункта наши соотечественники пытались вывезти в Россию на теле 235 бутылок водки. А при оформлении поезда «Баранович—Житомир» пограничниками в купе проводников обнаружено 34 коробки перепелкиных яиц.

Людмила КЛАСКОВСКАЯ, БелТА.

Дажыліся

Дэфіцыт зноў у модзе

Нават савіму ворагу не падкасаў жыць у эпоху перамен або пераходу да рынку па-беларуску. Наследзчыні на базары запэўніваюць, што паліцыя нашых магазінаў луставае не будучы, народ на наступны раз расійскага фінансавыя крызісу рэзюме па-свойму. Як і ў іншых месцах, на Віцебшчыне практычна зніклі з продажу цукер, мука, рыс, грэчка, або калі дзе гандлююць гэтымі прадуктамі, то з перабойам. Супраць звычнага ў два з паловай разы вырас рознічны тавароўрад. Калі наладу ў віцебскага ўніверсалу за месяц рэалізавалася 24 халадзільнікі, то ішпер за 2 дні прадалі 28 камер у пачатку месяца выбралі квоту на гэты тавар.

Каб некай супрацістая паніцы, абласная адміністрацыя з 8 верасня зрабіла больш

жорсткімі нормы водпуску ў адны рукі. Цукру зараз можна купіць да 1 кг, мукі пшанічнай не больш 2 кілаграмаў, для кожнага магазіна ўстанавілі нормы продажу харчовых тавараў на дзень і загалдай меней прадуктаў фасаваных. Адрэзавалі на ажалітай і вытворцы: новыя паступленні тэлевізараў, дынамоў, абутку віцебскага фабрык і заводаў нават у іх фірменных крамах сурэалі пакупнікоў «падаросымі» ішамі. На беларуска-расійскай мяжы зноў з'явіліся мытнікі на аднавішчы сваю дзейнасць чатырох стацыянарных пастах. Як і б меры па абароне спажывацкага рынку ўладамі ні прымае, ва ўмовах каманднай эканомікі для большасці людзей жыццё яшчэ больш ускладнілася.

Уладзімір КОРБУТ.

Не могу молчать!

Александр ОЛЬХОВОЙ

Второе пришествие Хама

Знаменитая актриса Фаина Георгиевна Раневская как-то пригласила в сердцах: «Когда умру — пусть на плите выбьют слово "Ушла от мерзости и хамства"».

Примечательное откровение! Даже банальное бытовое хамство бывает убийнее мины... Оно неотделимо, устойчиво и всепроникающе, как микроб и вирус, как отравляющие газы нервно-паралитического действия. Хам с одинаковым рвением, наслаждением и упоением унижит, оскорбит, обольет грязью, причинит душевную и физическую боль и простому работяге, и ветерану-инвалиду, и поэту, и профессору. Обезоруживает, доверчивый, наивный человек — любимый объект для практических упражнений Хама. И лишь перед сильной, неординарной личностью либо перед большим начальником, «бугром» он сматывает, как мокрая курица, и лезбит, прогибается, стелется, будто «шестерка» перед «паканом-гузом».

Хамство — испорченно-завоевательное, как всякая гадость, ловко приспосабливается к меняющейся климату, в том числе и к политическому. Для него не существует границ и таможен, смею утверждать, что оно не имеет национальности.

Один мой знакомый рассказывал о недавней поездке с другом в Польшу. Остановившись в небольшом провинциальном городке, зашли в гостиницу перекусить. Владелец предлагает дорогие номера.

— Но у вас же есть и подешевле! — возмущился прищельщик, ощущая явную напряженность с «бикасами». Но хозяин был неумолим: «Не можно!» А не иррационально — вальте, мол, подбери подорожную... Но путешественники не отступали, попытываясь, чем так не понравились пану — представителю дружественного соседнего государства? В конце концов, гонористый поляк снисхождением объяснил: дешёвые номера он не сдаёт приезжим из бывшей «советки» после того, как на днях в них проживали «русские» и заглядали все так, что пришлось комнаты капитально освежить...

— Но мы же не русские! — с радостной надеждой в один голос воскликнули горемики. — Мы — белорусы!

— Една сатана! — махнул рукой заметно подобравший поляк.

Если вы, дорогой читатель, хоть в малой степени наблюдательны и любознательны, не лишены чувства собственного достоинства, вы не можете не ощущать того, что хамство всей своей настырностью и нахальностью нависает над вас буквально с первых шагов — стоит только выйти из квартиры... Стало притчей во языцех,

общим местом в выступлениях печати и язвительных монологах сатириков сентенции по поводу заглаженных плевок, окурков, мусора, уникальной «накальной живописью» подъездов, лестничных пролётов, лифтов; мы устали уже говорить о раскороженых силках штах, «умикнутых» электросчетчиках, лампочках, ковриках, сумках и банках с балконам, погребов и лоджий, теледанных и кабелей, изувеченных дверных запорах, почтовых ящиках... Отдельные наши сограждане, не слишком обремененные не то что интеллектом, а простейшими человеческими рефлексом и инстинктами, ведут себя порой, извините, хуже скотов.

Становится лопальным пьянство: мычащие, шатающиеся человекоподобные существа могут вас ни с того ни с сего толкнуть, обалтывать, обольщать, схватить за грудки, побить. Мит стал простонашей национальной достопримечательностью — мы уже к нему привыкли, притерпелись, смирились. Виртуозно матерятся дети, подростки, школьники; они никого не стесняются, не постыжятся, не уступят дорогу идущим навстречу старшим, пожилым людям... Глупостеподобный соплик может подойти к сидящей на лавочке старике и хамовато-вызывающе спросить:

— Слышь, мужик, закуришь не найтешся?

Как-то разнимал возле дома поцапавшихся второклассников из соседней школы.

— Чего же вы втроем на одного? — пристыдил я забияк.

— А пусть он не матерится на нас... — обидчиво ответили те.

— Он и на училку нашу так... — поподворити, на языке несколько девочек — почти под-ростков (школьнички из той же соседней десятилетки!) — торопливо курят, жадно затягиваясь; успев бы наглотаться отравы за время перемены! Увидев меня — сегодого, раз в четыре старше их — даже не попятити сигареты в ладошки. Меня, признаюсь, это несколько задело. Подожми поближе к «дамам».

— Сигареткой не угостите?

— Ой, да мы сами у наших мальчишек стрелючили!

— Ну, а не стыдно, не со-вестно вот так... да еще в таком возрасте... — попробовал я «по-моральничать».

Передернув плечиками и переплывавшись меж собой, девочки кокетливо захохотали. А одна — самая, выдать, смеяла — лидер-вожачок! — состроила мне глазки, как опытная соблазнительница, игриво подмигнула:

— Мужичка, выдать, кончик захотел почесать. Еще шевелится, небось?... А мы не против, мы не гордые!

Присмотритесь как-нибудь, понаблюдайте: кто именно сидит в общественном транспор-

те, развалившись в креслах, безразлично взирая на старушек, перевернутых сумками женщин? Красномордые бутан, размазанные молодые да ранние «красавицы», нечесанные и немые сморчки, лгузатские семечки, для перевоспитания и переубеждения которых и пятинадцать БПСМОН не хватит!

Откуда в нас это скотство, эта пещерная дикость? И прав ли президент, называя на съезде учителей Беларуси о том, что нынешнюю систему школьного образования «мы ломать не будем»? Да как же ее ломать — при нынешнем угрожающем падении нравов, нигилизме, зловещем напознании антикультуры? К тому же мир вокруг нас уже в другой исторической эпохе живет, товарищи дорогие! Ущипните себя... Ведь такие извращенные личности, как Чаковский, Матросов, Маринеско, Туполов, писатели Василий Аксенов, Владимир Войнович, наши Алесь Алмазович, Светлана Алексиевич, Сергей Паланик или выходящий спортсмен Виталий Щербо стали популярными людьми, знаменитостями, мастерами культуры отнюдь не благодаря, а вопреки советской школьной системе образования, где были запрещены даже упоминания о Есенине, Блоке, Пастернаке, Ахматовой, Цветаевой, Зощенко, Мандельштаме, Михо-эльс...

Когда у меня с соседкой тетей Майшей речь заходит о том, что хамство нас обложило, как обкладывает бедных зайцев на охоте, она заводит буквально с пол-оборота:

Демократию развели — вот народ и заерзет!

Вот-вот! Довольно расхожее мнение, устоявшаяся стереотипная мышления части наших сограждан, зомбированных насеквозь ложной, хамски-бессовестной официальной пропагандой: во всех наших бедах, недостатках, просятах виноваты, дескать, они, «дмакраты!» Хотя ни одного из этих демократов, — повторю: ни одного! — нет сегодня ни в одной властной структуре — от Администрации президента РБ до самого замыгающего и затюканного сельсовету и колхозу! Зачем же людям головы морочить? Как тут не вспомнить Чехова: «Когда в нас что-нибудь неладит, то мы ищем причину вне нас и скоро находим. Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм... Просто поражаешься, как точно, провидчески метко сказано!»

Итак, современный хам и хамство со всей своей полнотой и силой проявляются прежде всего в быту. На улице, в метро, в общественном транспорте, на стадионах и даже в концертных залах, школах, ПТУ и вузах, в

армии (кто не слышал о пресловутой «деловинне», которая, кажется, будет вечной, как майский цвет сирени)? А еще — в больницах и поликлиниках, колхозах и совхозах (об истязательных бригадах, «закимавших» да вдовы либо престарелой бабки коб, чтобы привести сена или дров, можно писать романы и снимать сериалы), в домоуправлениях и собесах, кафе и ресторанах, столовых и детских садиках. А в судах, прокуратурах, всевозможных РОВД, ГОВД, ГУВД, в министерствах и ведомствах, даже в Администрации президента нам разве не морочили голову, не встречали равнодушием, отпором и отпихиванием, прямой грубостью? Моя дочь, лежа в палате роддома, как-то средню ночью попросила дежурную медсестру отвести ребенка после кормежки обратно в бокс, где после нахождения там в ожидании свидания со своими мамами. Медсестра, видно, разбуженная либо отпугнутой от чужих капризов, по-инибууд захватывающего детектива, недолго прогудела:

— Ну, ты, милая, и зачастую... Может, тебе его вообще не приносить?

Хорошо, что Алена не из робкого десятка и дала хамке надлежащий ответ. А могли ли противостоять подобному хамству, человеческому снвству таких декоративных, благопитанных, высокоинтеллектуальных, как Алесь Алмазович, Юрий Никулин, Андрей Миронов, Олег Даль? А Высоцкий разве не от хамства властей и их прихлебательных предвещаний ушел от нас? А Иосиф Бродский? Или молодая талантливая актриса Леночка Майборода, облившая себя бензином и факелом вспыхнувшая и сгоревшая у порога родного театра? А вспомним, как страдал от обыкновенного бытового хамства, впрочем, как и от зависти, жлобства коллег, невежества соглашателей, всяких «хулуков» и «худоосетов» такой самородный талантливый, как Василий Шукшин!

Следующим по нарастающей своей порочностью сие и «энергетик» илет коллективное, массовое хамство — извините меня за эту знакомую фразеологию. Этот вид мне пришлось наблюдать, так сказать, живую, лицом к лицу: я его чуть не почувствовал собственной кожей, собственными ребрами...

Забегав как-то среди белых дна в «Лакомку» купил на мейное торжество любимый «Киевский» торт. Выхожу из магазина — и ничего не понимаю, там, истеричные крики людей, громкие команды... Да, вы правильно догадались! То была наша «варфоломеевская ночь», вернее — наш черный день, когда черберы Лукашенко устроили немотивированное задержание возле ГУМа, стараясь за-

гнать как можно больше протестующих людей в дери униформы и там уже «закимавать» по всем правилам палаческого искусства. На меня «стражи порядка» — удивительное дело! — только искоса поглядывали, а один полковник довольно вежливо попросил: «А вы бы шли, милейший, домой!» Меня спас, наверное, мой единственный финский костюм, который я, на свое счастье, надел в тот будничнейший день... Миллионеры с дубинками, омововы и спеша-завы, просто зверски набрасывались на мучеников ошеломленных людей — на всех поодаль! — от которых слышалось: «Фшшшш!» Эээээээ! Вам это не забывается и не проститесь!

Буквально рядом со мной ОНИ скрутили руки онемевшему от неожиданности парню и потащили волоком к машине... Вот человек семь откормленных «силовиками» принесли всемоу активно «умиротворять» тшесдугого селодовского мужику. Немо быдле вылетел на каком-то отчаянии и упорством вырвался беолога из ИХ лап, истошно крича: «Бросьте! Отпустите! Я командировочный! Мне на поезд надо!» Одна пожилая женщина, припав на колени и утробно рыдая, возмолвила: «Господи, покарай этих выражков! Каковы же они, ин-виноватоего ужом командировочного ОНИ все же впилились в «уэзик», стоящий «под парам»! На прощание» один спеша-завы, профессионально изловчась, настолько смачно отгнул страдальца, что я не выдержал: «За что же дубинкой? Человек ведь!» Омоновцы, угрожающе направились ко мне, держа наготове дубинку... Но тут меня заслонила какая-то женщина. Подставляя горловою свою седую голову, она закричала: «Ударь меня! Ударь! Меня немцы в партизанском отряде не забыли, так ты приколи!» Какая же сука тебя рошила?

А господа Селезнев, Строев, И. Гончар, Зюганов, Шумейко, Шакум, Ким Курарев из россиоского «Радио-1» Лебедь («Лукашенко — нормальный мужик»), Бабурин, Юрий Любимов, Приказов, госполтин посл РФ в БР старались и старались убедить нас, что ЭТО — не хамство, не произвол, не диктатура, не фашизм. Слешы? Лицедеи?

Наша доблестная власть, не мудствуя лукаво, бросает на безоружных протестующих сограждан арманы экзипированных по высшему разряду «стражей правопорядка» крушащих головами женщинам, подросткам, журналистам, в том числе и иностранным, бесцеремонно засвечивая их фотослешы и разбавляя телекамерами. Потом их необоснованно лишают аккредитации и

депортируют из Беларуси как международных гитлеров или наркобаронов. При этом вероломно, нагло и бессовестно, безо всякой маскировки, на глазах у всего цивилизованного мира попираются элементарные международные нормы, уставы, заявления, декларации и договоры, демонстрируется высокомерный налдезм на все и вся.

Она, Власть, и не догадывается при этом, что похожа на тех древнеримских матрон, ужоженных, вымытых в благоуханных ваннах, которые, презрев всякий стыд и срам, шичино демонстрировали перед рабами свои обнаженные груди, бедра, гениталии... А некоторые даже российские (и не только!) политики, политологи и аналитики, депутаты и лидеры движений, партий и думских фракций, журналисты и артисты определенных идеологических ориентаций восхищаются будто бы стерильной чистотой минских улиц и площадей, лицемерно сравнивая их с улицами и площадями Гамбурга, Миттерлен или Берна. И с напускной непопсредственностью заявляют при этом: «Да же здесь диктатура и фашизм! Да никто тут никого не избивает и не преследует, мы этого не видели!»

Скажите, разве это — не лукавство, не хамство?!

Лучшие умы человечества всегда вставали против хамства, в защиту совести, добра и благородства. Аристотель говорил: «Чтобы разбудить совесть человека, надо дать ему пощечину». Однако же ни Нагорная проповедь Иисуса Христа, ни «Молон» Рафаэля и «Реквием» Моцарта, ни прелесть пушкинского слога и величие прозы Толстого и Бюкова, ни «моральный кодекс строителя коммунизма» и «исторические решения» чуть ли не тридцати съездов «ума, чести и совести эпохи» — не остановили, не перевословили Хама... Жив курилка!

И все же я убежден: самое страшное — это смирились с хамством, стать к нему равнодушным. Мы и так много отбили Хама: испугали, не замечали, пропали, пропели, пропели и протанцевали, пропели и пропели, пропели, пропели у «телека», забивали «козла» или копали на дачных грядках ради пучка редиски и конча капус-ты...

Хам — он молодец против овец, а против молодца — и сам овца. Известный всем знаменитый Гергт (ушедший к сожжению, из жизни) как-то стоял в гастрономе в очереди. Вперед, оттирая крутым плечом старушек, нагло протиснулся небритый амбал и стал требовать себе полкило колбасы. «И порежь!» — это приказал он продавцу. Гергт сделал замечание: мол, нехорошо вот так, молодой человек, все же стоят...

Громилла презрительно осклабилась, пошевелил сквозь зубы что-то насчет «пархатости»... И вот Гергт, — человек ростоком с полведра и весом Олечки Корбут в дни ее гимнастических триумфов — припала на нестбалоющую еще с войны ногу, стремительно приблизился к обидчику и... презел ему «боксом» по всем правилам ближнего рукопашного боя! Тот от неожиданности ретировался, тем более что очерзал, узнав в очтанном смыслекак знаменитого артиста, одобрительно загалуд!

— Молодец! Правильно! Вот так надо всегда... Иначе это хамство, это хамство скоро на нас воду возить будет, да еще плетью погонять!

... Иду по проспекту Скорины — опять в «Лакомку», за любимым семей «Киевским». Сегодня здесь тихо и благостно. Надолго ли? Вдруг среди прохожих шепот: «Смотри, смотри! Ходыко...» Я его сразу узнал: по газетным фотоснимкам, по сюжетам «Панарамы» и «Рэзанауса». Гляжу на его чуть согнувшуюся от восторженного ветра фигуру, будто торопящуюся на простор, на широкую дорогу, на его простенькую куртку, скошенные подборы выданных выды башмаков, старомодную, как у знаменитого вратаря Льва Яшина, курку...

И вспоминаю сообщения о его арестах, протестах, голодовке, болезни... Что добивался и добивается этот тихий, скромный, даже стеснительный человек, ставший в тумлаху властей, в подобострастных занываниях их лакеев-попавцев чуть ли не «вратом народа»? Известный ученый, доктор наук, профессор... Честности и справедливости? Свободы и уважения личности? Светлого будущего Беларуси?.. Значит, он — против невестства, произвола и хамства. И кто бы он ни был по профессии, взглядам, убеждениям и национальности мне хочется поздравить его руку...

Визу, как две озорные девушки, взявши за руки лоптующего паренка — своего провожатого, потащили его вперед, всел улающеюся Ходыко. Возможно, хотели его получше рассмотреть либо о чем-то спросить. Или же пожелать мужества и стойкости... Признаюсь, я тоже невольно остановился в нерешительности: идти по своим делам или же последовать примеру той беззаботной стайки молодых?.. Эта обычная уличная ситуация мне показала вдруг глубоко символическую: не так ли спешили за пророком Моисеем люди, чтобы вырваться из рабства?!

На гатым яны не спыніліся і на развітанне падлілі талы. Усё ж Бог ёсць на свеце, бо гаспадары людзкіх уладася выбралі з гэтага вогненнага пекла. Пад раніцу яе даставілі ў балышчы з апакамі цела. Міліцыя справадала апэратыўна і неўзабаве затрымала ўсіх траіх небяспечных злачынцаў.

Раны фізічныя ў бабুলі хутка загояцца, а воль дужэння траўма застанецца на ўсё жыццё. Тым больш што навічанскае лапчыне і вяртацца няма куды: поўнадуо ў атні атралі талы і ўсё лабудовы на панадворку.

Уладзімір ШЫК.

У Национальной академіі навук Беларусі заснавана новае званне

«Танаровы прафесар НАНБ»

У Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі заснавана новае званне — «Танаровы прафесар НАНБ». Першым яго ўшальнікам стаў генеральны дырэктар ЮНЕСКА Феларыя Мабр, які знаходзіўся ў Беларусі з візітам 6-8 верасня. Прэзідыум акадэміі навук буле прысвоіць гэтае званне і іншым выдатным дзеячам сусветнай культуры, вучоным, дзяржаўным і грамадскім дзеячам, якія ўнеслі істотны ўклад у развіццё навук і шчыльняцкі, у забеспячэнне ўзаемадзейнення і супрацоўніцтва паміж народамі.

Маргарыта ГОТАЛЕВА, БелТА-ПАН.

Размешчае рекламу на стараніках «Народнай волі». Вы не толькі ўдзеліце свой бізнес, но і строіце новую Беларусь!

Рекламу не абавязкова даставілі в редакцыю, ёе можна ўнесці з карпаратыўным пісьмом перадаць по факсу: (017) 229-29-04. Тэлефадан справок: (017) 229-29-06.

Баліць душа і сэрца плача...

21 верасня спаўняецца 80 гадоў з дня нараджэння Феларыя Міхайлаўна Янкоўскага. Імя гэтага выдатнага вучонага-лінгвіста, пісьменніка, настаўніка з выдатнай літары і проста добрага чалавека вядома не толькі ў Беларусі, але і далёка за яе межамі. Усё сваё надбёгке жыццё Фелар Міхайлавіч Янкоўскі прысвяціў нямой і рухлівай прашы на ніве роднай фізіялогіі. Яго кнігі «Дыялектны слоўнік», «Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі», «Крылавыя словы і афарызмы», «Беларуская фразеалягія», «Роднае слова», «Беларуская літаратурная вымаўленне» і іншыя сталі настольнымі кнігамі не толькі для вышляцкаў, студэнтаў, настаўнікаў і вучняў, але і для ўсіх, хто любіць і шануе роднае слова. А яго літаратурныя зборнікі «Абразкі», «Прыпыніся на часіну», «І за гарою пакланюся», «Радзішч і боль», «Само слова гаворыць» — гэта ўзор пісьма і літаратурнага вымаўлення. Узор тако, які трэба ўсім нам вышляцка родным словам, прыклад, як і дзесяці чаго нам трэба жыць.

Мне паішчэла бачыць яго вучанцаў у далёкіх студэнцкіх пяцідзсятых гадах і мець з ім пе-

раіску да самай яго смерці. Колькі яго кніг з аўтаграфамі, календароў, часопісаў, газет з шчырымі матэрыяламі, арыгінальных паіштовак і пісем з купальскімі і скарынаўскімі марамі, партрэтамі К.Каліноўскага, роднымі крывавымі атрымада ад яго па пошце я, проста якаясьці настальніца! Ды ці толькі аны?

Пабойей бы нам сёння такіх шчырых і самаадданных рухліваў і патрыятаў! Можна, не было б жыццё наша такім цяжкім і гартным, а становішча з роднай мовай такім катастрафічным.

Буду шчыра ўдзячна, калі надрукуеце ў газеце мае «абразкі» чатырохразкоўкі, узятыя з кніжкі «Сённяшні дзень», Беларускае, што яны не зусім адпавядаюць усім патрабаванням пазытыўнага друкаванага слова, але гэта тое, што было напісана ад душы...

З павая — Ганна ВЕРАМЕЙ, настаўніца-пенсіянерка. Вёска Языль, Старадарожская раёна.

Матуля незабудуная, Цябе так не хапае. Баліць штодня душа мая

І сэрца ўсё рыдае...

Баліць душа мая таксама За мову родную маю. Яе люблю я, як і маму, І на чужыне я жыву.

На вечар стрэчы ў школу я прыйшла, Гасцей і вучняў шмат было ў зале. Ды толькі мы з дырэктарам ўдалі На наінай роднай мове выступалі...

О Беларусь, я так баюся Тэксанаў твай ўключыць! Баліць душа, і сэрца плача: «Хто как хайт, так гаворыць».

Раней я «Гомель», «Мінск» часцей глядзела, Цяпер не знаю, што рабіць, хоць плачу. Уключу — ішчэ і нячы мінут не прайдзе, Як токам, б'е ад нашых перадач.

Жыццё настала ў нас жабрача, Так многа эдзекі, круды, слёз. Баліць душа і сэрца плача... Чаму ж такі ў нас цяжкі лёс?

Ёсць такіх людзі...

Інтэлігенцыя — у прыклад!

Валентына Івануна Радзюк, бадай, адзіная сярод слухачэй пенсіянерак, хто вышляе тры незалежныя газеты — «Народную волю», «Навіны» і «Наша слова». З першых дзён іх выхад у свет. Сама чытае, суседзям на пад'ездзе перадае.

Не, яна чалавек не інтэлігентнай професіі, шмат гадоў, да выхаду на пенсію, працавала рабочай на Слуцкім сельскім будаўнічым камбінате. З дазінства, а яно прайшло ў вёсцы, захавала тое, чым абдзелены сёння многія яе сучаснікі, — любоў да матчынай мовы. Нядарна яны зрабіла папярэдніх калектыву рэдакцыі газеты «Наша слова», пера-

Актуальны каментарый

У запазычанасці па зарплате толькі аб'ектыўныя прычыны

Наколькі сур'ёзна і значныя тэндэнцыі, што немешалася, да запазычанасці па вышляце зарплатнай платы ў маштабах Беларусі? Якія прычыны гэтай з'явы? Што трэба зрабіць ужо сёння, каб у самым сійсялым тэрмінаў поўнадуо ліквідаваць гэтыя прычыны для з'яўлення запазычанасці? Гэтыя пытанні апошнім часам пастаянна знаходзіцца ў полі зроку кіраўніка дзяржавы і ўлада Беларусі. Як паведаміў карэспандэнту БелТА першы намеснік міністра працы Валерый Паўлаў, па даных на 31 жніўня запазычанасць па зарплате па рэспубліцы складала 845,2 мільярда рублёў, у той час як яшчэ на 20 жніўня гэты неата-тыўны паказчык быў роўны 1 трыльёну 865 мільярда рублёў. Па друцэнні Прэзідыума Савета міністраў спецыяльна створаная камісія, у складзе якой былі прадстаўнікі Міністэрства працы, Міністэрства фінансаў, Міністэрства хару і Мінапрама, правярала 101 прадпрыемства з тых, што аказаліся ў разраздзі неплацішчальнага запават.

Канчатковы вынік з гэтага буйнаштабнага абследавання будучы зроблены ў самы бліжэйшы час і перададзены ўраду для аэнікі і прыняцця ад-

Крымінал

П'янае палыванне... на людзей

Па традыцыі алкэрышэ новага сезона паліўніцы суправаджаюць жоўкай ля кастра, а таксама чаркай для «сугрэву». Вось і механізматар з Расонскага раёна 3. так заглуць перад пачаткам палывання, што ранаіш, ужо дрэнна ўсведамляючы, што ён робіць, злі і галодны пайшоў ад сабёру з чужой зброй і патронамі. Не спадабаўся лясному рабізону хлопчык, які ехаў на веласіпедзе ў суседнюю вёску за банькам, каб паведаміць аб прыездзе гасцей з Расіі. Першы раз стрэліў дарослы, але трапіў толькі ў педаль. Адкрыў стрэльбу гора-паліўніцы і па машыне супраўт Н. прыхадуху з Мурманска да родных. Моцна застрашаны расіян, атрымаўшы дзве прабоны ў сардэ, смелі запустіць рухавік і ўцячы.

Каб абясшккодзіць злачынцаў, паліцыі прыйшлося блакіраваць усю гэту лясную раён. Неўзабаве заглуць ішчэ адна гасініца ўзліз бэ лішняга шуму. Яго чакае вельмі суровае пакаранне за свае небяспечныя дзеянні, тым больш што пакрыўдзаныя гасці з Расіі адразу апазалі ў арыштваным свайго крмудзіцеля.

Бандыты прыйшлі апоўначы

Сіцілыя грашовыя зберажэнні крху больш мільёна рублёў, пачуў бутэльке гарэлкі, прастая якаясьці ежа — менавіта на столькіх адзіншавішчэ сёння ў нас жыццё чалавека. Менавіта на такую нажыву пакапаліся тры беспаробных з вёскі Лакі Гародзінскага раёна, калі сярод натоў пачаў разо казбаліся ў хату адзінокай пенсіонеркі. Дзейнічалі нелюды нахабна, агрэсіўна і акрамя масак з паночка на тварах застрашвалі бабчулку нажамі. Бандыты затым звязалі старую і перанялі ўсё верх дому ў доме, шукаючы дабчы.

На гэтым яны не спыніліся і на развітанне падлілі талы. Усё ж Бог ёсць на свеце, бо гаспадары людзкіх уладася выбралі з гэтага вогненнага пекла. Пад раніцу яе даставілі ў балышчы з апакамі цела. Міліцыя справадала апэратыўна і неўзабаве затрымала ўсіх траіх небяспечных злачынцаў.

Раны фізічныя ў бабুলі хутка загояцца, а воль дужэння траўма застанецца на ўсё жыццё. Тым больш што навічанскае лапчыне і вяртацца няма куды: поўнадуо ў атні атралі талы і ўсё лабудовы на панадворку.

Уладзімір ШЫК.

